

Швец А.Б.
Яковлев А.Н.

География социокультурных противоречий в Крыму (2006-2010 г.г.)

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь

Аннотация. *Анализируется территориальная специфика развития социокультурных противоречий в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений в современном Крыму. Выделены этапы развития социокультурных противоречий. Определены главные регионы концентрации межэтнических и социально-экономических противоречий в Крыму.*

Ключевые слова: *география, конфликтность, этнос, конфессия.*

Введение

Постановка проблемы. Одним из итогов прошедшего двадцатилетия можно считать закрепление за Крымом образа потенциально конфликтной территории. В чем причина такого пессимистического восприятия региона, которое прижилось во многих журналистских и нередко научных текстах? Однозначного ответа не существует. Имеются лишь объяснительные версии. Одна из таких версий связана с социокультурными трансформациями прежнего советского общества, которые способствовали появлению в регионе плеяды конфликтных противоречий.

В государствах, возникших на постсоветском пространстве, очень медленно формируется традиция осмысления результатов дезорганизации общества, вызванной сломом общественных ценностей. Дезорганизация общества – неоднозначный по причинам и следствиям процесс. В политологии и философии её нередко трактуют как абсолютное зло, что отражает лишь часть содержания этого феномена. Если рассмотреть социальную дезорганизацию как динамику исторических контекстов, в которых живут миллионы людей, имеющих различные интересы и способы их защиты, то станет очевидным закономерный характер появления дезорганизации в период смены ценностных ориентиров общества. Одной из форм дезорганизации общества можно считать *социокультурные* противоречия [1].

Противоречия охватывают все области жизни современного общества. В повседневной жизни существуют межличностные противоречия, столкновения интересов между элитами, этносами, религиозными группами, политическими партиями, государствами и др. «Поиск географических аспектов противоречий, которые приводят к конфликтам и войнам, - одна из проблем, которая не решена ни в зарубежной, ни в отечественной географии» [2, с. 263].

Степень изученности проблемы. Экономическая и социальная география постсоветского периода рассматривает этноконфессиональные и политические противоречия фрагментарно, выясняя их причины и последствия для экономики, экологии, территориального управления и т.д. Однако, не менее важной задачей представляется формулирование комплексной стратегии изучения социокультурной конфликтности, посредством типологизации её причин, факторов возникновения, территориальных проявлений и вариантов разрешения [3].

Основная масса исследований, посвященных межэтническим и межконфессиональным контактам в современном Крыму, принадлежит историкам и политологам среди которых следует выделить работы Габриэляна О.А. [4], Григорьянца В.Э. [5,6], Ишина А.В. [7,8], Мальгина А.В. [9], Никифорова А.Р. [10] и др. При этом, лишь в работах географов Швец А.Б. [11,12,13] и Шевчука А.Г. [6,7] этот вариант анализа проводится с позиций территориальной локализации возникновения противоречий, возникающих в этноконфессиональной системе крымской автономии.

Целью данной работы явилось установление особенностей территориальной локализации и динамики проявлений социокультурных противоречий в Крыму в период с 2006 по 2010 г.г. для выявления современных тенденций их регионального развития.

Изложение основного материала

Географическое исследование социокультурных противоречий может плодотворно проводиться при условии выявления территориальной специфики развития таких разновидностей, как этнические и конфессиональные противоречия. Эти виды противоречий универсально отражают содержание современного этапа дезорганизации общества, нередко переводящего противоречия в открытые конфликты. Учитывая вышесказанное, мы сочли возможным в дальнейшем рассматривать социокультурные противоречия как семантическую аналогию понятию «социокультурные конфликты». Это не означает, что в Крыму все противоречия проявлены как откровенные конфликты, большая часть из них носит латентный характер.

Социокультурные конфликты – это типологически цельная группа проявлений конфронтационного поведения, в основе которого оказывается противостояние одной совокупности потребностей, интересов и ценностей, другой, противоположной системе. В социокультурных конфликтах затруднен поиск причин столкновения противоборствующих сторон. В них трудно классифицировать противоборствующие стороны как «позитивные» и «негативные». Любая из конфликтующих сторон защищает «свою» систему ценностей в противоборстве с «иной», нередко навязанной ей властной элитой того общества, в которой возникает конфликт [14]. Такие конфликты, с одной стороны, снижают «способность общества к выживанию», а с другой – поддерживают в нем тонус поиска конструктивного разрешения противоречий [15].

Отнесение конфликта к «социокультурным» не связано с возможным представлением о том, что различным культурам имманентно присуща некая враждебность. Социокультурный конфликт есть разновидность более широкой группы конфликтов, получившей в конфликтологии наименование социальных, то есть имеющих место в любом обществе.

Социокультурная конфликтность в современном Крыму имеет как минимум две разновидности: *межэтноконфессиональную и социально-экономическую*.

Межэтноконфессиональная конфликтность в Крыму носит латентный характер и высокую степень политизированности. Объективно в автономии отсутствуют причины для возникновения межэтноконфессиональной конфликтности, что доказал почти двадцатилетний период мирной репатриации ранее депортированных из Крыма народов, хотя в конце 1970-х годов некоторые аналитики строили самые мрачные прогнозы в отношении межэтнических и межконфессиональных контактов в пространстве христианизированного Крыма.

Особая разновидность социокультурной конфликтности – *социально-экономическая*, возникающая в процессе изменения отношений различных общественных групп к собственности. В этот процесс подключаются все этносы и религиозные организации в переходный период развития общественной системы.

В Крыму социально-экономическая конфликтность наиболее остро проявилась в сфере земельных отношений. Эта форма конфликтности, в отличие от межэтноконфессиональной, имеет в автономии актуализированный характер, нередко используется как фактор политического давления на власть со стороны различных организаций, представляющих тот или иной этноконфессиональный сегмент общества.

Репатриация ранее депортированных из Крыма народов – один из наиболее серьезных факторов, определяющих возникновение на полуострове межэтноконфессиональных и социально-экономических вариантов социокультурной конфликтности. Возвращение и обустройство крымских армян, болгар, греков, немцев и крымских татар на свою историческую родину, в силу отсутствия в Украине необходимой законодательной базы, несбалансированности программы первоначального приёма репатриантов, расселения и наделения их необходимыми условиями жизнеобеспечения, сложной социально-экономической ситуации периода становления молодого украинского государства привели к усложнению процесса адаптации репатриантов в новой социально-экономической и этноконфессиональной среде. Адаптационный процесс

усложнялся противоречиями и неспособностью «старых и молодых» этнических, конфессиональных, бюрократических и политических элит Крыма идти на договорные компромиссы, желанием элит различными способами сохранить «свой» властный ресурс.

Несбалансированная на государственном уровне репатриация и амбициозность крымских элит послужили серьёзной причиной возникновения на полуострове устойчивого поля межэтнического напряжения, выражающегося в появлении межэтноконфессиональных и социально-экономических противоречий преимущественно между двумя наиболее многочисленными и влиятельными культурно-историческими группами населения Крыма: славяно-православной и тюрко-мусульманской.

Межэтническая напряженность в Крыму впервые после развала Советского Союза проявила себя в 1991-1995 гг. [16]. Её возникновение было обусловлено двумя факторами: непростыми отношениями между русскими и украинцами Крыма, обретавшими новую этническую и политическую титульность в суверенной Украине, а также общей настороженностью славянского населения полуострова в отношении процесса возвращения крымских татар, грозившего серьёзным изменением демографической структуры Крыма, в которой традиционно доминировали русские.

Первые признаки обострения межконфессиональных контактов в Крыму появились, по мнению некоторых крымских аналитиков, после 1995 г. [7; 17]. В основе этого обострения лежала политизация конфессиональных систем в двух ведущих религиозных общинах автономии: православной и мусульманской.

Стержнем социально-экономических конфликтов, имеющих на полуострове этническую окраску, стала ситуация с возможностью свободного приобретения земельных участков в личное пользование. В Украине этот процесс начался в середине 1990-х годов задолго до окончания массового возвращения депортированных народов в Крым. В среде крымских татар возникло недовольство по поводу трудностей в приобретении земельных участков на распаеванных землях бывших колхозов и совхозов. Проявилась проблема возврата так называемых вакуфных земель, которые в прошлом находились в ведении мусульманских священнослужителей.

Нами выделены этапы возникновения и развития межэтноконфессиональных противоречий в современном Крыму. Это выделение проводилось на основе информационного мониторинга особенностей протекания, а также интенсивности проявления зафиксированных средствами массовой информации конфликтных ситуаций. Отметим, что результаты мониторинга социокультурных противоречий в Крыму до 2006 г. уже были частично описаны авторами [18,19]. В настоящей работе осмыслены новые материалы пространственной динамики протестных форм поведения.

Первый этап (1990 - 1999 г.г) условно назван нами *ренессансным*. Он характеризуется быстрым изменением структуры этноконфессионального поля Крыма. В результате массовой репатриации, прежде всего, крымскотатарского населения, на полуострове актуализировалась полиэтничность. Началось возрождение православной и мусульманской идентичностей, проявилась необходимость в строительстве новых и воссоздании утраченных объектов культурного назначения (церквей, храмов, мечетей и т.д.). С 1990 по 1999 г. нами выявлено 110 резонансных случаев проявления социокультурных противоречий, из которых 72 отнесены к социально-экономическим, а 38 имели межэтноконфессиональный характер.

Необустроенность репатриантов в первые годы возвращения в Крым закономерно «отодвинула» конфессиональные приоритеты на «второй план». Возникающие в этот период противоречия были связаны с невыполнением властью требований репатриантов о расселении в тех местах, из которых их выселили в 1944 г., о выделении им земельных участков для строительства, о гарантированном создании рабочих мест, необходимой социальной инфраструктуры в местах расселения и др. Основная масса противоречий конфессионального характера носила в означенный период латентный характер, ограничивающийся манифестационными заявлениями крымских татар относительно скорейшего возвращения объектов культурно-религиозного значения, прекращения их нецелевого использования и т.д.

Наиболее острые конфликты *ренессансного этапа* актуализировались вокруг проблем земельного характера. С 1990 по 1999 г. нами зафиксировано 54 резонансных проявления противоречий по поводу наделения землей крымских татар, что составило 75% от всех случаев социально-экономической конфликтности анализируемого периода.

Конфликтные ситуации, связанные с земельным вопросом, возникали на территории полуострова практически повсеместно. Незатронутыми конфронтацией остались только 3 северо-западных района: Красноперекопский, Раздольненский, Черноморский. Сказалась удаленность этих территорий от мест традиционного для Крыма рекреационного бизнеса и их невысокие экономические показатели развития. Наиболее конфликтными в период этноконфессионального ренессанса были предгорные Симферопольский и Бахчисарайский районы.

Анализ распределения социокультурных противоречий на полуострове в период с 2000 по 2005 г.г. показал высокую пространственно-временную динамику данного явления, особенно в группе социально-экономических противоречий. Это послужило причиной для наименования второго этапа в развитии феномена социокультурной конфликтности в Крыму как *расширительного*, затронувшего новые территории и центры.

Основная масса конфликтных ситуаций с 2000 года локализуется в северных и отчасти центральных районах автономии. Именно сюда, на территорию Джанкойского, Красноперекопского, Красногвардейского, Первомайского районов с конца 1980-х годов государственные органы Крыма направляли и рассредоточивали основные потоки репатриантов согласно программе государственной помощи для их возвращения и обустройства. Именно в этих районах появляются первые места компактного расселения крымских татар. К примеру, в 1989 г. крымскими СМИ в Первомайском районе было отмечено одно из первых изменений названия населенного пункта, связанное с территориальной концентрацией крымскотатарского населения - село Танино получило наименование Сары-Баш.

К 2000 г. в среде репатриантов уже накоплен опыт конфронтационного взаимодействия с крымской властью. Наиболее резонансными случаями такого взаимодействия можно считать штурм активистами крымскотатарского национального движения здания Верховного Совета Крыма в 1992 г., феодосийские криминальные разборки 1995 г., акции блокирования железнодорожных путей и автострад в Симферопольском и других районах Крыма в 1998 г. Этот опыт, а также постоянно увеличивающаяся численность репатриантов, натолкнувшись на несовершенство украинского законодательства, допустившего изменение форм собственности на землю задолго до массового возвращения на полуостров крымских татар, позволили им начать решение наиболее острой на тот период проблемы - перепаевания бывших государственных и колхозных земель - конфронтационным способом.

В дальнейшем вплоть до 2006 г. тенденция смещения социокультурных противоречий к центрально-западным и центрально-восточным районам полуострова продолжала активно поддерживаться. Возможно, это явилось следствием пространственно-демографического «расслоения» крымских татар. Часть репатриантов укоренилась, сумев преодолеть трудности возвращения, в местах первичного расселения в Крыму, а другая часть так и не смогла адаптироваться к условиям жизни и трудовой деятельности в предложенных или выбранных самостественно населенных пунктах. Для улучшения своего положения в финансовом, имущественном, профессиональном плане эта часть репатриантов «стала проявлять мобильность и стремление к миграции внутри полуострова» [20].

Межрайонная миграция крымских татар, их активное включение в процесс конкуренции за наиболее престижные участки земли, места на рынках, в бизнесе, престижных видах трудовой деятельности не могло не сказаться на поведении и реакциях крымского населения иных национальностей в тех районах, куда устремлялись внутрикрымские мигранты. Переломным в расширительном этапе динамики социокультурных противоречий может быть назван конец 2002 года. Этот год стал своеобразным пограничьем между постепенным сдвигом конфликтности из северных районов полуострова в центр и окончательным закреплением подавляющего числа фиксируемых конфликтных ситуаций в центральных (Симферопольский, Бахчисарайский, Белогорский) и южнобережных (Ялтинский, Алуштинский, Судакский) регионах. С 2004 г. в состав наиболее конфликтной группы крымских регионов вошла территория Феодосийского горсовета. В расширительный этап динамики социокультурных противоречий преобладающим видом конфликтности стала межэтноконфессиональная. Количественно этот вид конфликтов уступал социально-экономическим лишь в степных и

южнобережных территориях Крыма. Наиболее конфликтогенной, по сравнению с ренессансным этапом, стала территория Симферопольского района. Социокультурные противоречия в означенный период не были выявлены лишь в Раздольненском районе и на территории Керченского горсовета.

В конце 2005 г. в Крыму сформировался *ареал с устойчивой социокультурной напряженностью*, который обозначен нами как «*центрально-южнобережный*» [3]. Причем, в предгорных регионах этого ареала (Симферопольский, Белогорский, Бахчисарайский районы) весь расширительный этап преобладала межэтноконфессиональная конфликтность, а в прибрежных (территории горсоветов Ялты, Алушты, Судака, Феодосии) – социально-экономическая (рис.1). Появление этого ареала совпадает территориально с районами наиболее высокой концентрации крымскотатарского населения. Всеукраинская перепись населения 2001 г. отметила, к примеру, в Белогорском районе максимальную для Крыма величину удельного веса крымских татар в общей численности населения этого региона – 29,2%. Кроме того, южная и юго-восточная части черноморского побережья Крыма, вошедшие в означенный ареал устойчивой напряженности, являются наиболее привлекательными территориями для рекреационного бизнеса с высокой рыночной стоимостью земли.

Третий этап в территориальной динамике социокультурных противоречий может быть обозначен с 2006 по 2010 г.г. и назван *унаследованным*. Такое наименование этапа связано с тем, что основная масса социокультурных конфликтов актуализировалась в означенное время как продолжение зародившихся на предыдущих этапах.

Так, например, в 2006 г. в г.Бахчисарай произошли массовые драки представителей славяно-православного и тюрко-мусульманского сегментов городской общины, спровоцированные несанкционированными акциями крымских татар, направленными на перенос городского рынка, расположенного, по их мнению, на месте, где в прошлом размещался мусульманский акрополь. Реакцией на указанные выше действия стала спонтанная самоорганизация работников рынка и «сочувствующих» из числа славянского населения города, для активного противостояния устранению рынка. Нарастание противоречий вокруг бахчисарайского рынка фиксировались средствами массовой информации с лета 2004 г.

В указанный временной период не утратила своей актуальности и периодически давала о себе знать конфликтная ситуация вокруг холма Кильсе-Баир в с. Голубинка Бахчисарайского района. Эта ситуация является частью давно укоренившейся в Крыму проблемы, связанной с присутствием на полуострове достаточно большого количества руин и территорий средневековых христианских храмов и монастырей, на которые претендуют представители всех православных ветвей. Спецификой этой проблемы является то, что роль арбитра в её разрешении пытается взять на себя политическая организация - Меджлис крымскотатарского народа, - которая выступает против передачи указанных святынь епархии Украинской православной церкви Московского патриархата (в последующем УПЦ – *авт.*), мотивируя свою позицию тем, что средневековые храмы принадлежали Константинопольскому патриархату, и это лишает современную Московскую патриархию имущественного права на указанные культовые сооружения. Кроме того, остатки некоторых средневековых построек и мест захоронений без серьезных научных доказательств объявляются памятниками крымских татар, живших на полуострове в доисламский период. Именно по этой схеме развивались события в с. Голубинка Бахчисарайского района.

В 1998 г. приходской совет голубинковской православной общины Святого Серафима Саровского УПЦ оформил полный пакет разрешительных документов и Государственный акт на право постоянного пользования землей на холме Кильсе-Баир с целью возведения здесь храма. Весной 2001 г. при земляных работах на месте будущего храма было найдено несколько могил и часть фундамента христианского культового сооружения. В соответствии со ст. 36 Закона Украины об охране культурного наследия, работы были приостановлены. В том же году сотрудниками Бахчисарайского отряда Горно-крымской экспедиции Крымского филиала Института археологии НАНУ на Кильсе-Баир произведены охранно-археологические раскопки. В результате исследований археологов были выявлены фрагменты стены и фундамент храмовой постройки, а также 20 могил с погребениями, совершенными по христианскому обряду и датированными XIV-XVIII веками [21].

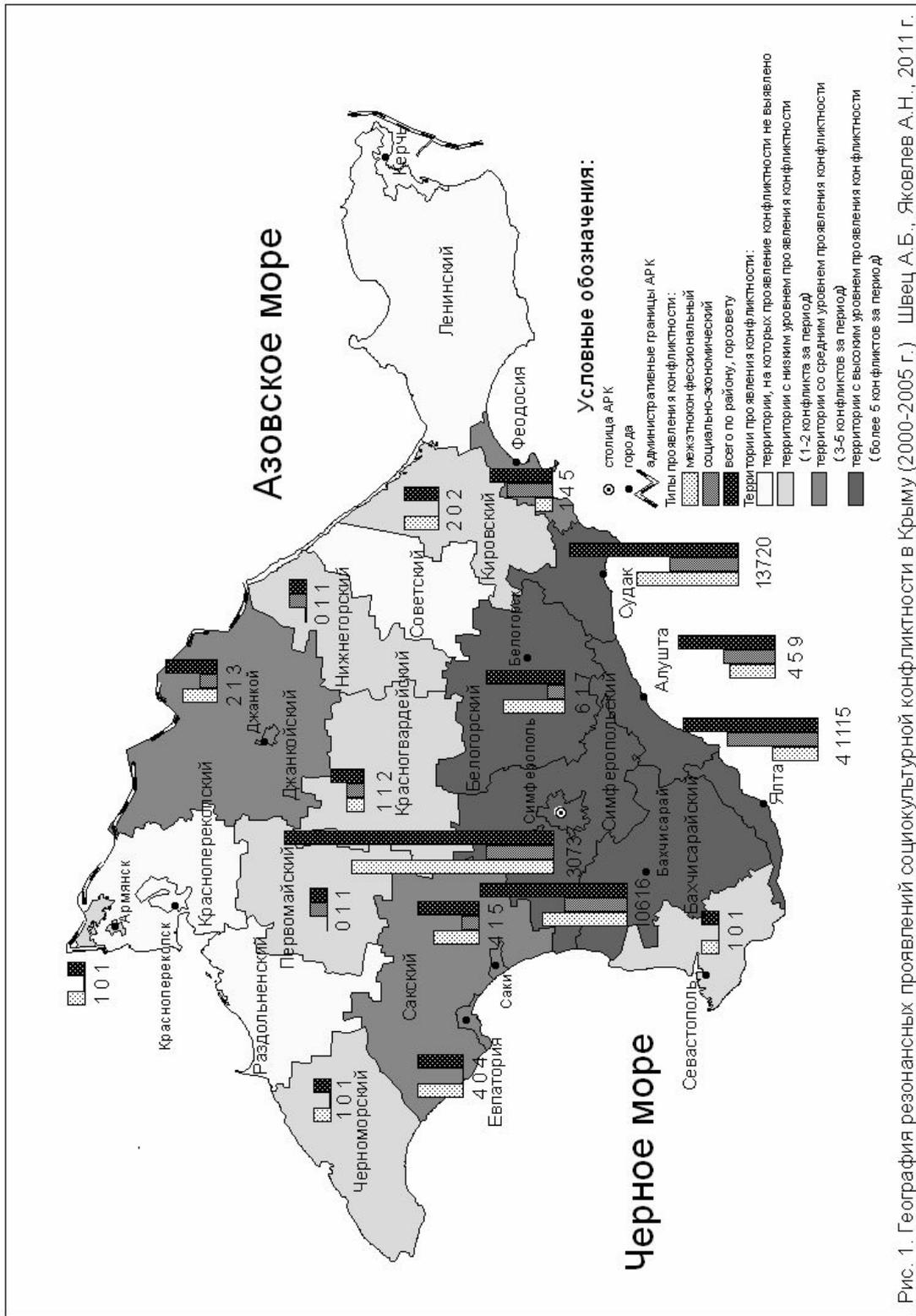

Рис. 1. География резонансных проявлений социокультурной конфликтности в Крыму (2000-2005 г.). Швец А.Б., Яковлев А.Н., 2011 г.

В 2005 г. археологические работы на Кильсе-Баире были продолжены по причине корректировки проекта строительства церкви. В результате раскопок 2001 и 2005 гг. крымскими археологами был сделан ряд выводов [22]. Христианский храм на холме Кильсе-Баир относится к поздневизантийскому периоду (XIII-XV вв.). Этим же временем датируются и наиболее ранние захоронения, совершенные внутри и в окрестностях храма. Храм принадлежал православному населению, проживавшему на месте современного с. Голубинка и относившегося к владениям православного княжества Феодоро и Готской епархии. В XV в. храм был разрушен во время вторжения в Крым турков-османов. По-видимому, разрушенный храм не был восстановлен, поскольку турки запрещали строительство православных церквей на подвластной территории. Однако кладбище продолжало использоваться местным православным населением, а руины церкви – почитаться как местная реликвия. Более поздний археологический материал, обнаруженный на холме Кильсе-Баир, датирован второй половиной XVIII в., что свидетельствует об использовании кладбища вплоть до переселения крымских христиан в Приазовье. После этого на месте кладбища не появилось ни одного погребения. Бахчисарайскими археологами не обнаружены следы почитания холма Кильсе-Баир мусульманами в конце XVIII-начале XX веков, поскольку во время раскопок не было найдено следов ритуальных традиционных жертвоприношений (остатков костей жертвенных животных, посуды этого времени и т. д.).

«При этом следует учитывать, что в период турецкого господства христианское население региона («крымские греки») в своей основной части восприняли тюркский язык как средство межнационального общения (огузо-кыпчакский диалект урумского языка). Возможно, тогда и возник тюркский топоним Кильсе-Баир, соответствующий номенклатуре «Церковный холм». В этом смысле он является лингвистическим памятником не татар-мусульман, а «крымских греков» - урумов, ушедших в 1778 г. в Приазовье во главе с митрополитом Гото-Каффийским Игнатием. Гото-Каффийская епархия, ее имущество и связанные с ней реликвии, согласно Указу императрицы Екатерины к концу XVIII в. перешли в ведение Св. Синода, которому преемствовал Московский Патриархат, а затем каноническая Украинская Православная Церковь» - отмечено в письме В.Ю.Юрочкина, руководителя археологического отряда, проводившего раскопки в с. Голубинке, митрополиту Симферопольскому и Крымскому Лазарю [22].

В августе 2005 г. в государственные органы исполнительной власти Бахчисарайского района поступило обращение группы граждан мусульманского исповедания, а также от крымскотатарской общественной организации «Азизлер». В обращении ставилась под сомнение возможность строительства православного храма во имя Святого Серафима Саровского на холме Кильсе-Баир. По сообщению информационного агентства REGNUM, в этом обращении в частности сказано: «Крымские татары являются коренным народом Крыма. Все племена и народности, которые проживали с самых древних веков, в свое время участвовали в формировании современного крымско-татарского народа. Все, что было создано их руками и трудом является культурным достоянием нашего народа» [23]. Следуя этой логике, остатки храма в селе Голубинка, найденные на месте строительства так же являются достоянием крымско-татарского народа.

После нескольких совещаний с участием руководителей крымской автономии, митрополита Лазаря, муфтия Эмиралы Аблаева, лидеров Меджлиса было принято политическое решение о переносе строительства церкви во имя Святого Серафима Саровского на другой участок. Православная община с.Голубинка, отдельные политики и представители научной общественности Крыма, восприняла это решение власти как ошибочное.

Заметим, что позицию крымских татар в случае с возведением храма на Кильсе-Баир нельзя понять без учета того, что в сознании этого народа после репатриации прочно укоренилась мысль о его многокомпонентном этногенезе. Предполагается, что появление предков крымских татар происходило в Крыму посредством ассимиляции тюрками, почти всех этносов, проживавших на полуострове, в том числе и исповедовавших христианство [24]. Такая мифологема конфликтогенна по сути, поскольку не оставляет иным народам полуострова права на историческую укорененность в Крыму.

Отметим, что начиная с 2000 г. в межконфессиональных контактах православных и мусульман Крыма обозначилась конкуренция за доминирование сакральных символов каждой из религий в пространстве полуострова. Это проявилось в событиях 2000-2001 гг.,

вошедших в новейшую историю Крыма как «крестоповал». В период 2006-2010 г.г. появились новые по содержанию проявления подобной конкуренции. К ним следует отнести протестные заявления представителей одной конфессии, по поводу придания представителями другой конфессии сакрального статуса объектам совместного пользования. Примером подобного противоречия стало протестное обращение мусульманской общины п. Морское в органы исполнительной власти г. Судак о неправомерности освящения служителем православной церкви одного из источников в долине реки Шелен.

Резонансным в процессе появления христианских символов в Крыму стал конфликт, обусловленный намерением городского совета Феодосии установить в городе памятник Святому апостолу Андрею Первозванному. По преданию именно в Феодосии апостол в середине I в. сошел на крымский берег для дальнейшей проповеднической деятельности в Северном Причерноморье.

Городские власти рассматривали несколько вариантов местоположения памятника. Один из них предполагал установку памятника апостолу рядом с четырехметровым крестом на территории Морского сада. Но имамы и представители мусульманских общин Феодосии ещё в 2005 г. направляли на имя городского головы обращение, в котором выражали удивление и тревогу в связи с намерениями мэрии установить христианскую символику (крест рядом с апостолом) на месте одной из самых больших мечетей Крыма, известной под названием Биюк-Джами (Большая мечеть) или мечеть султана Селима, существовавшей с XVI в. и разрушенной в XIX в. в пределах территории современного Морского сада. Феодосийские имамы напомнили городскому голове о том, что установка в Крыму православных крестов, приуроченная к 1000-летию христианства, уже приводила в 2000 г. к резкому всплеску межконфессионального противостояния в автономии. Мусульманская община Феодосии не позволила также разместить памятник апостолу на въезде в город, мотивируя своё требование расположением здесь в прошлом мусульманского кладбища.

Под давлением протестных акций крымскотатарского населения Феодосии месторасположение памятника было изменено, а его монтаж начат в мае 2006 г. В этот период противники сооружения памятника совершили акт публичного вандализма. Были сбиты плиты на постаменте, демонтирован дубовый крест, который вызывал особую агрессивность у протестующих крымских татар. После проведения круглого стола с участием представителей органов власти и ведущих конфессий Феодосии конфликт удалось урегулировать. Ныне памятник Святому апостолу Андрею Первозванному установлен вблизи одного из православных храмов города.

В период с 2006 по 2010 г.г. на территории автономии существенно увеличилось количество случаев вандализма, составив треть от общего числа межэтноконфессиональных противоречий рассматриваемого этапа. Проявления вандализма характеризовались в Крыму периодическим характером, повторяясь в отдельных местах неоднократно. К числу таких рецидивных случаев можно отнести осквернение памятника крымскотатарскому поэту и тюркологу Бекиру Чобан-Заде в г.Белогорск, отмеченное в 2006 г. и повторившееся в 2007 г. Неоднократно осквернялся памятный знак депортированным народам в районе парка Салгирка в Симферополе.

По нашему мнению, в Крыму получил распространение *идеологический вандализм*. Это такая разновидность девиантного (отклоняющегося от общепризнанной нормы) поведения, которая намеренно осуществляется отдельными личностями или группами людей ради достижения явных или скрытых целей, носящих этнополитический характер, унижающих национальное достоинство различных народов Крыма. Причины появления вандализма в постсоветском Крыму имеют разную природу: политическую, экономическую, криминальную. Проблема связана и с социальным расслоением, и с утратой традиционных ценностей, и с провалами в воспитании молодежи, и с тем, что из нашего общественного сознания так и не исчез образ врага, которого ищут по этническим или религиозным признакам.

В своем исследовании мы относили к вандализму только те случаи, в результате которых, тем или иным образом были осквернены объекты культового или мемориального значения, несущие ярко выраженную этническую сакральность (мечети, храмы, кладбища православные и мусульманские). По критерию направленности на разрушение этнически сакральных объектов нами был выделен т.н. кладбищенский

вандализм - явление, зародившееся в девяностые годы XX века, принявшее особенно жесткие формы в Крыму с 2007 г. и не потерявшее актуальности до настоящего момента. Разгул кладбищенского вандализма отмечен на полуострове в 2007 - 2008 г.г. Летом 2007 г. были совершены акты вандализма на мусульманских кладбищах в с. Софиевка Симферопольского района и в п.Крымская Роза Белогорского района. В начале 2008 г. прокатились погромы на мусульманских кладбищах села Уваровка Нижнегорского района (разрушено более 250 надгробий, частично разбит забор и убита сторожевая собака) и п.Чистенькая (разрушено 39 надгробных плит, на заборе кладбища обнаружены нанесенные краской надписи, оскорбляющие национальное достоинство крымских татар). В этом же году были осквернены хулиганскими надписями мечети в с.Октябрьское Первомайского района и г. Белогорск. Разрушению подверглось православное кладбище в селе Войково Ленинского района (разрушено 124 надгробия). Православное, а также мусульманское кладбище в с.Марфовка Ленинского района были осквернены рисунками сатанистского характера.

В заявлении Президиума Меджлиса крымскотатарского народа в связи с беспрецедентным актом вандализма, совершённым на мусульманском кладбище в с. Уваровка Нижнегорского района, всколыхнувшем не только общественность полуострова, но и украинские, и европейские СМИ, было отмечено, что подобные действия следует рассматривать «как целенаправленную спецоперацию, против гражданского мира и согласия в обществе», поскольку один-два вандала не могли причинить такой объем разрушений [25]. Поле конфликта усиливалось также неподтвержденными заявлениями отдельных представителей крымскотатарского национального движения о причастности к вандализму на кладбищах т.н. «скинхедов»; а возможно, и представителей крымского казачества.

Оценка кладбищенского вандализма представителями крымской милиции, высказанная через год после событий в Уваровке, несколько расширяет представление о сущности этого явления. По мнению представителей правоохранительных органов Крыма, акты вандализма на кладбищах автономии совершаются в основном в корыстных целях [26]. Возможно, именно по этой причине в СМИ не попадают нерезонансные, но многочисленные уголовные дела, связанные с «демонтажем металлических оградок, столов, табличек» на православных кладбищах автономии «с целью последующей их реализации в металлоприемных пунктах». Корыстный вандализм на кладбищах – это «будничнейший», хоть и не менее горестный, вариант кладбищенского вандализма. Замалчивание этого варианта действий современных вандалов рождает в общественном сознании мифологему о том, что все акты вандализма в Крыму связаны только с мусульманскими погребениями.

Усомнилась в справедливости указанного утверждения крымский политолог Н.В.Киселева. По официальным данным руководства крымской милиции, предоставленным в комиссию Верховной Рады АРК по вопросам межнациональных отношений и проблемам депортированных граждан, за последние годы на территории автономии зарегистрирован 401 факт вандализма на мусульманских, христианских и др. кладбищах, отмечается в публикации политолога [27]. Причем, в 2006 г. милиция зарегистрировала 69 погромов на кладбищах, из них лишь один на мусульманском; в 2007 г. случаи вандализма участились: их было 235, в том числе три на мусульманских кладбищах; с начала 2008 г. органами внутренних дел зафиксировано 97 кладбищенских преступлений, из которых четыре на мусульманских кладбищах.

В целом локализация актов вандализма в Крыму не подчиняется какой-либо пространственной закономерности. Вандалы орудуют практически во всех районах Крыма, появляясь несколько чаще в сельской местности, по сравнению с городской. Городской вандализм имеет преимущественную прописку в крымской столице – г.Симферополе. Возможно, это связано с тем, что социальный состав преступников, совершающих акты надругательства над памятными местами, представлен, чаще всего, учащимися вечерних школ или профтехучилищ [28], количество и видовой состав которых наиболее широк в крымской столице. В целом, идеологических вандалов, уничтожающих надгробия на кладбищах или выписывающих унижительные фразы на стенах мечетей, трудно идентифицировать субъектно. Чаще всего эксперты именуют их как «определенные группы населения», «отдельные личности с темными, звериными чувствами» [29], «маргинальными элементами». Повсеместность распространения

вандализма в Крыму свидетельствует об укоренении этого явления в социальной психологии крымского социума как «допустимого», нетабуированного.

Минувшее пятилетие отмечено в Крыму беспрецедентно «горячим» характером социально-экономических противоречий. Наиболее резонансными социально-экономическими конфликтами в автономии стали события ноября 2007 г. на улице Балаклавской в Симферополе и на плато Ай-Петри.

Земельный конфликт на улице Балаклавской в г. Симферополь был связан с очередной попыткой фирмы «Олви-Крым» ликвидировать крымскотатарский самозахват на земельном участке, который эта фирма приобрела в аренду под строительство жилого комплекса. При попытке вытеснить крымских татар с самозавхата произошла массовая драка (несколько сотен участников с обеих сторон), которую пресекли правоохранители с помощью предупредительных выстрелов в воздух, дымовых шашек, светошумовых гранат и спецтехники.

Конфликт на Ай-Петри был обусловлен действиями милиции и судебных исполнителей, направленными на снос по решению Хозяйственного суда АРК семи незаконно построенных на плато Ай-Петри объектов торговли и общепита. При этом представителям Государственной исполнительной службы и милиции попытались помешать владельцы этих объектов и другие предприниматели, работающие на Ай-Петри. Граждане, которые противостояли милиции, заранее запаслись горючими веществами и взрывоопасными предметами: газовым баллоном, канистрами с бензином, бутылками с зажигательной смесью. В результате столкновения с участниками самостроев 28 человек были задержаны и направлены в Ялтинское отделение милиции, где часть из них была подвергнута административному аресту, а часть – оштрафована. 4 человека из числа ай-петринских торговцев были госпитализированы. Акция вызвала широкий общественный резонанс, привела к серии протестных выступлений крымских татар.

В минувшее пятилетие (2006-2010 гг.) территорией с высоким уровнем проявления социокультурной конфликтности стали Симферопольский район (68 конфликтных ситуаций), Судакский и Ялтинский горсоветы (12 и 11 конфликтных ситуаций соответственно), при этом в столичном районе количественно доминировала межэтноконфессиональная группа противоречий, в Судакском горсовете - социально-экономическая, а Ялтинский горсовет имел почти поровну межэтноконфессиональных и социально-экономических противоречий (рис.2).

В прошедшем пятилетии сохранилось сформированное ранее разделение *ареала с устойчивой социокультурной напряженностью* на две подзоны: предгорную (центральную) и южнобережную. В каждом из районов предгорной подзоны количественно преобладали межэтноконфессиональные противоречия. Этот же тип конфликтности доминировал в южнобережной подзоне за исключением территорий Судакского и Алуштинского горсоветов. Большинство конфликтов, выявленных на территориях указанных горсоветов, отнесены нами к социально-экономическим.

Наиболее конфликтогенным в *унаследованном этале* развития социокультурной конфликтности в Крыму стал 2008 год. Наибольший резонанс в СМИ приобрели упомянутые выше акты вандализма на крымских кладбищах, а также проблема местоположения соборной мечети в г. Симферополь.

Начиная с 1994 года, Симферопольский горсовет рассматривал несколько вариантов месторасположения в городе соборной мечети. В итоге под ее строительство был определен участок на улице Ялтинской, напротив Крымского республиканского онкологического диспансера. Летом 2004 года горсовет дал разрешение на выполнение проекта землеотвода и выполнение проектно-изыскательских работ для строительства мечети по улице Ялтинской. Эскизный проект соборной мечети был согласован с градостроительным советом и принят за основу. Но в ноябре 2007 г. депутаты Симферопольского горсовета отказались выделить мусульманской общине Крыма земельный участок площадью 2,7 га по улице Ялтинской для строительства соборной мечети, мотивируя опасную близость будущего культового объекта к водоохранной зоне Симферопольского водохранилища. По версии Меджлиса, городские власти выступают против строительства по улице Ялтинской, поскольку считают, что в случае размещения тут соборной мечети дорога на южный берег Крыма может оказаться заблокированной.

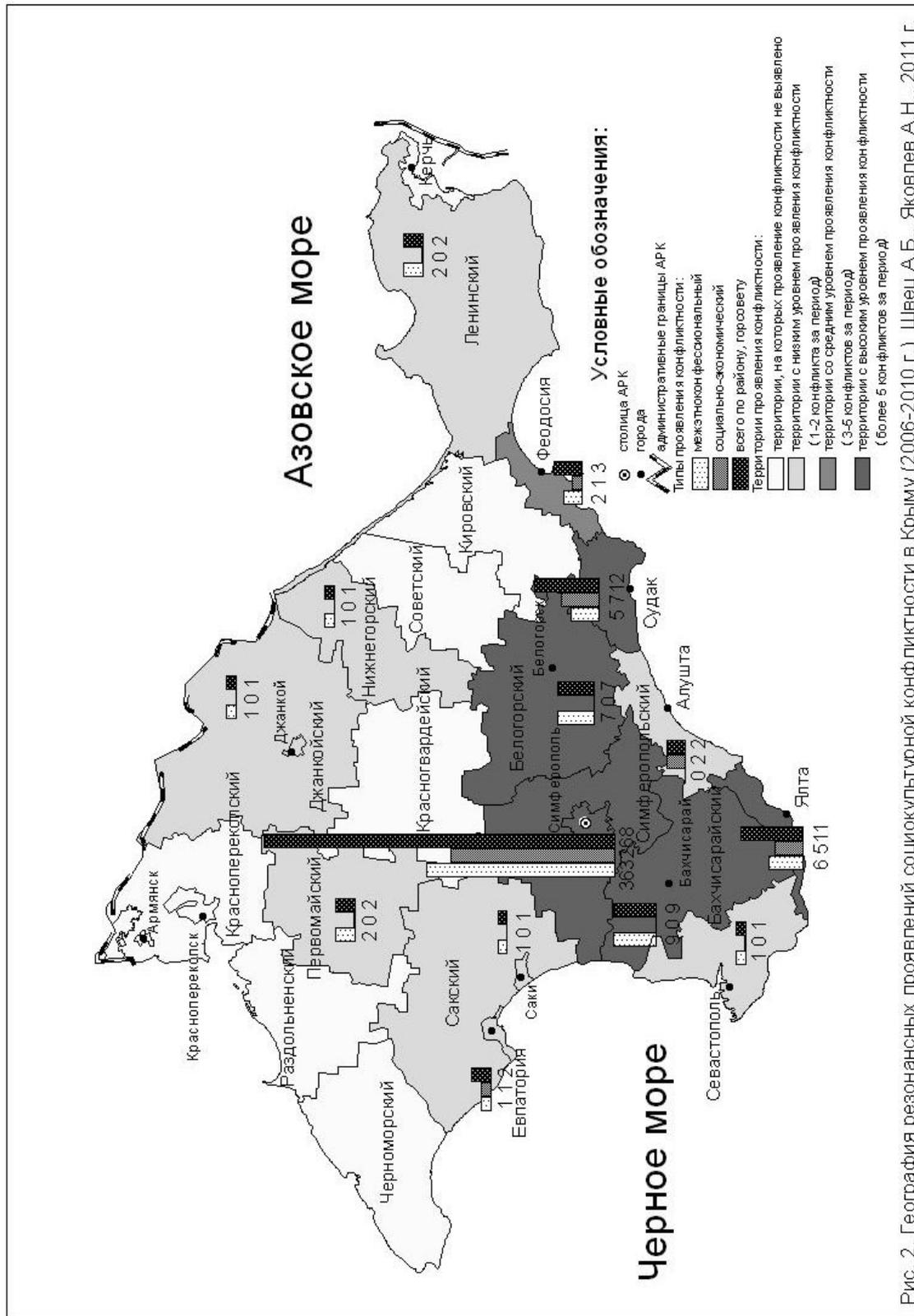

Рис. 2. География резонансных проявлений социокультурной конфликтности в Крыму (2006-2010 г.) Швец А.Б., Яковлев А.Н., 2011 г.

В январе 2008 г. проект землеотвода участка под соборную мечеть был утвержден городским советом Симферополя, но уже не на улице Ялтинской, как предполагалось ранее, а на улице Луговой. Данное решение вызвало протест у Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК). Муфтият подал исковое заявление на решение горсовета в Хозяйственный суд Крыма. Кроме того, ДУМК совместно с Меджлисом крымскотатарского народа организовало бессрочный «информационный пикет» на улице Ялтинской, где установило палатку и несколько стендов, содержащих информацию о сути протестной акции, а также обращения к властям автономии. Одновременно был начат сбор с каждого мусульманина по одному камню-ракушечнику для будущей мечети. В первый же день начала акции ее участники приняли обращение на имя президента Украины, в котором связали решение симферопольских депутатов с желанием "спровоцировать граждан Украины на массовые выступления".

28 января 2011 г., по сообщению информационного агентства e-Крым, Высший хозяйственный суд Украины принял решение, по которому Симферопольский городской совет обязан заключить с ДУМК договор об аренде земельного участка по ул. Ялтинской.

Среди противоречий социально-экономической группы наиболее резонансными в 2008 г. стали: выселение шестнадцати крымскотатарских семей из самовольно занятых квартир многоэтажного дома в г. Алушта и серия конфликтных ситуаций, возникших в Добровском поссовете Симферопольского района. В указанном поссовете возникали протесты, связанные с выделением земельных участков крымским татарам, а также с намерением крымской власти разместить в Салгирской долине мусороперерабатывающий завод в селе Заречном.

По форме организации конфликтные ситуации 2008 г. были представлены митингами, пикетами, перекрытием движения по трассе Симферополь-Ялта.

2009 г. отличался расширением географии социокультурной конфликтности, отмеченной в девяти регионах полуострова. Преобладали межэтноконфессиональные формы конфронтационного взаимодействия (21 из 27 зафиксированных за год). Значительную часть межэтноконфессиональных противоречий, по прежнему составляли акты вандализма. В этой группе противоречий выделяется акт вандализма на мусульманском кладбище в с. Скалистое Бахчисарайского района, где было повалено и облито краской несколько надмогильных плит. В это же время осквернен мемориальный комплекс памяти азербайджанцев, погибших при освобождении Севастополя. Произведен несанкционированный демонтаж памятника советским десанникам в Судаче. По заявлению общественных и казачьих организаций Крыма демонтаж был инициирован хозяином крымскотатарского кафе «Достлук», находящегося в непосредственной близости от памятника с целью расширения территории заведения. Особой формой возникновения конфликтных ситуаций стали протестные публикации крымскотатарских печатных изданий против установления вблизи культовых объектов рекламных биг-бордов, несущих информацию, несовместимую с мусульманской этикой. Активизировались выступления пророссийских и казачьих организаций г. Симферополь, против возможности существования крымскотатарских самозахватов и начала строительства мечети, на территории бывшего концлагеря в совхозе «Красный» (п. Мирное) вблизи того места, где не первый год планируется построить мемориал памяти и православную часовню.

Социально-экономические конфликты 2009 г. в большинстве случаев формировались вокруг проблемы ликвидации самозахватов, периодически актуализируемой крымской властью. В моменты активизации антизахватнической деятельности возникал феномен самоорганизации населения с целью активного противостояния власти. Самоорганизация населения Крыма против действий власти в земельной сфере принимала интернациональный характер, концентрируясь не только в крымскотатарском, но и славянском секторе населения автономии.

2010 г. отмечен минимальным за прошедший пятилетний период количеством социокультурных противоречий. Значительной оставалась доля актов вандализма. Противоправным действиям вандалов в 2010 г. были подвержены в основном культовые сооружения крымских татар. В Симферопольском районе дважды осквернялись хулиганскими надписями здания мечетей, подобный же инцидент имел место в Первомайском районе. Наиболее резонансным стал акт вандализма в п. Мирное Симферопольского района, где на территории крымскотатарского самозахвата горела

недостроенная мечеть. По заявлению ДУМК причиной возгорания был поджог и случившееся следует рассматривать, «как попытку дестабилизации межэтноконфессионального мира в Крыму».

Большинство противоречий социально-экономической группы, продолжали возникать в 2010 г. при попытках ликвидации крымскотатарских самостроев, актуализированных в поселках Мирное, Дубки, Давыдовка Симферопольского района.

С 2011 г. начинается новый – современный этап развития социокультурных процессов. Установление специфики современного этапа в обще региональной динамике развития социокультурных противоречий, на данный момент является крайне затруднительным аспектом исследования, что прежде всего определяется его незавершенностью. При этом, уже сейчас представляется возможным отметить некоторые характерные тенденции. За последние 2011 и 2012 годы, ещё больше увеличилась доля межэтноконфессиональных противоречий, из 66 зафиксированных случаев конфликтных проявлений, только 17 имеют социально-экономическую основу. Сохраняется тенденция сосредоточения подавляющего числа конфликтных проявлений в столице автономии, за редкими исключениями, наблюдаемая нами с 1991 г., она особенно отчетливо фиксируется в начале нового этапа. В Симферополе и Симферопольском районе были зафиксированы 48 случаев проявления социокультурных противоречий, среди них 13 социально-экономических и 35 межэтноконфессиональных, что составляет 73% от общего числа актуализированных в Крыму конфликтов. Необходимо также отметить, что вышеуказанные данные сказываются только на интенсивности проявления социокультурных противоречий в различных районах АР Крым и отнесении их к территориям с низким уровнем проявления конфликтности, сохраняя при этом довольно широкую географию локализации противоречий в регионе. С 2011г. по 2012 г. включительно, кроме Симферополя и Симферопольского района конфликтные ситуации зафиксированы в 6 районах и 4 горсоветах полуострова: Бахчисарайском, Белогорском, Джанкойском, Ленинском, Сакском, Первомайском районах и Алуштинском, Евпаторийском, Феодосийском, Ялтинском горсоветах.

Выводы

Географическое исследование социокультурной конфликтности, как впрочем, и политологическое, может проводиться наиболее плодотворно при выявлении территориальной специфики развития таких её разновидностей, как этническая и конфессиональная конфликтность. В современном Крыму социокультурная конфликтность прошла три этапа эволюции: *ренессансный*, *расширительный*, *унаследованный* и продолжает динамично развиваться на современном этапе. Для каждого из них характерна своя интенсивность и локализованность конфликтных проявлений. Общей тенденцией в развитии социокультурных противоречий прошедшего десятилетия в автономии остается их политизированная причинность. Географически социокультурные противоречия сконцентрировались в предгорной и южнобережной зонах полуострова, что коррелируется с наибольшей концентрацией здесь мест для бизнеса и высокой привлекательностью владения земельными участками.

Перспектива географического изучения социокультурных противоречий в Крыму связана с дальнейшей детализацией территориальных форм их локализации. Подобная детализация позволит типологизировать социокультурные противоречия в современном Крыму. Необходимым представляется проведение дальнейшего мониторинга противоречий в межэтноконфессиональных отношениях различных этносов Крыма для определения основных тенденций и причин их актуализации.

В задачи географов не входит процесс менеджмента социокультурной конфликтности, но формирование представлений о возможных изменениях пространственных границ этого явления – перспективная линия исследований на границе географии и политологии.

Литература

1. Швец А. Б. Проявления социокультурной конфликтности в Крыму [Текст] / А. Б. Швец, И. Г. Беднарский, А. Н. Яковлев // Культура народов Причерноморья. - 2006. - № 73. – С.165 -175.

2. Мироненко Н. С. Экологические проблемы в районах вооруженных конфликтов и войн: постановка проблемы [Текст] // Проблемы геоконфликтологии. У 2 т. Т.2/ Под. ред. Н.С. Мироненко. – М.: «Пресс-Соло», 2004. – С. 263-275.
3. Яковлев А. Н. Типы взаимодействия конфликтующих сторон в социокультурной конфликтности современного Крыма [Текст] / А.Н.Яковлев // Ученые записки ТНУ. География. Т. 23 (62). -2010. - № 1. - С.185-196.
4. Габриелян О. А. Проблемы и возможности современного проекта «освоения» Крыма [Текст] / Габриелян О.А. // Материалы научно-практической конференции «Автономная Республика Крым в XXI веке : опыт, проблемы, развитие». – Симферополь : АнтикВА, 2006. – С.60-65.
5. Григорьянц В. Э. О некоторых особенностях процесса возрождения ислама в Крыму (1989-2001) [Текст] / Григорьянц В.Э. – Симферополь, 2002. – 40 с.
6. Григорьянц В. Э. К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в Украине и АРК [Текст] / В.Э. Григорьянц, А.В. Ишин, А.Г. Шевчук. – Симферополь : Крымский Архив, 2004. – 52 с.
7. Ишин А. В. Православие и ислам в Крыму: проблемы взаимодействия [Текст]/ А.В. Ишин, А.Г. Шевчук // Пилигримы Крыма. / Сб. науч. Статей и материалов. Вып.2 (7). Новая и новейшая история Крыма. – Симферополь: Крымский Архив. 2003. - С.269-272.
8. Ишин А.В. Взаємостосунки Православ'я та Ісламу в Криму: в контексті 150-річного ювілею Східної (Кримської) війни. [Текст] / Ішин А.В. // Регіональні проєкції державної політики. / Зб. наукових праць Кримського філіалу НІСД. т.2 – Сімферополь: Таврія, 2003, - 112с.
9. Мальгин А. В. Новое в самосознании этнических групп Крыма [Текст] / Андрей Витальевич Мальгин // Остров Крым. Альманах. 1999-2001. Ч.2. №1. – Е:// ok\part 2\ Novoe.htm.
10. Никифоров А. Р. :Этнические процессы в современном Крыму [Текст] / Никифоров А.Р. // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы./ Материалы исследований. – Симферополь. - 2002. - С.94-99.
11. Швец А. Б. География неустойчивого развития в Крыму [Текст] / Александра Борисовна Швец // Геополитика и экогеодинамика регионов. - 2007. - Т.20 (59). – С.123-130.
12. Швец А. Б. Этноконфессиональное пространство Крыма [Текст] / Александра Борисовна Швец // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. География. Т.17 (56). - 2004. - № 4. - С.233-241.
13. Швец А. Б. Крымский вектор социокультурной конфликтности [Текст] / Александра Борисовна Швец // Культура народов Причерноморья. - 2001. - № 26. – С.291-293.
14. Швец А. Б. Крымский вектор социокультурной конфликтности [Текст] / Александра Борисовна Швец // Культура народов Причерноморья. - 2001. - № 26. – С.291-293.
15. Яковлев А. Н. Территориальные формы локализации социокультурных противоречий в современном Крыму [Текст] / А.Н.Яковлев // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2008, вып. 1-2. - С. 112 – 116.
16. Айдынгон Исмаил Крымские татары: конфликт или стабильные отношения между русскими жителями полуострова и украинцами? [Текст] // Россия и мусульманский мир. – 2005. - № 3 (153). - С.62 – 70.
17. Григорьянц В. Э. К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в Украине и АРК [Текст] / Григорьянц В.Э., Ишин А.В., Шевчук А.Г. // – Симферополь: Крымский Архив. - 2004. – 52 с.
18. Ишин А. В., Беднарський І. Г., Швець О. Б. До питання етнополітичних суперечностей в Криму на сучасному етапі / За ред. О. Г. Шевчука; Регіональний філіал Національного інституту стратегічних досліджень в м. Сімферополі. – Сімферополь: СФ НІСД, 2005. (Серія додатків до наукового журналу «Кримський Архів») . – 60 с.
19. Швец А. Б., Беднарский И. Г., Яковлев А. Н. Проявление социокультурной конфликтности в Крыму // Культура народов Причерноморья. – 2006. - № 73.— с. 165-173.
20. Финогеев Б. Л. Внутрорегиональные перемещения крымских татар в аспекте занятости и повышения качества жизни [Текст] / Финогеев Б.Л., Мельник С.В. – Луганск: НИИ СТО, 2004 . – 59 с.
21. Неневоля И. И. Отчет об охранных археологических исследованиях христианского храма и кладбища « Кильсе-Баир » в с. Голубинка Бахчисарайского района в 2001 г. [Текст] / И.И.Неневоля, А.А.Волошинов // Научный архив БГИКЗ.
22. Юрочкин В. Ю. Письмо митрополиту Симферопольскому и Крымскому Лазарю «О конфликтной ситуации вокруг строительства православного храма в с.Голубинка Бахчисарайского района» [Электронный ресурс] /В.Ю.Юрочкин: Режим доступа к ресурсу: <http://www.edrus.org/content/view/3552/47/>.
23. Джихад против Православия: уничтожение православных святынь объявлено крымскими татарами "священным" <http://www.otechestvo.org.ua/main/20067/1908.htm>
24. Мальгин А. В. Новое в самосознании этнических групп Крыма [Электронный ресурс] /А.В.Мальгин: Доступ к ресурсу: //http://www.ok\part2\Novoe.htm.

25. Амет Акъыллы Вандализм как провакация [Электронный ресурс] /Амет Акъыллы. – Режим доступа к ресурсу: <http://medeniye.org/ru/node/277>.
26. В Крыму акты вандализма на кладбищах в основном совершают в корыстных целях, – заявляют в милиции [Электронный ресурс]. - Режим доступа к ресурсу: <http://ic.vc/novosti/obszestvo/v krymu akty vandalizma na kladbiszah v osnovnom sovershayut v korystnyh celyah zavavlyayut v milicii.html>
27. Киселева Н. Виктим не предлагать или преступная политика межджлиса [Электронный ресурс] / Наталья Киселева // Крымская правда. – 2008. – 18 июля. – Режим доступа к ресурсу: http://www.kp.crimea.ua/news_details.php?news_type_id=1&news_id=4333
28. Скинхеды в Крыму: обзор крымских еженедельников (1.02.2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.ag-media.info/node/2200>
29. Муратова Э. С. Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения [Текст] / Э.С.Муратова. – Симферополь: ЧП «Эльиньо», 2008. – 240 с.

Анотація. О.Б. Швець, А.М. Яковлев. **Географія соціокультурних протиріч в Криму (2006-2010 рр.).** Аналізується територіальна специфіка розвитку соціокультурних протиріч у сфері міжетнічних та міжконфесійних відносин в сучасному Криму. Виділено етапи розвитку соціокультурних протиріч. Визначено головні регіони концентрації міжетнічних і соціально-економічних протиріч в Криму.

Ключові слова: географія, конфліктність, етнос, конфесія

Abstract. A.B. Shvets, A.N. Yakovlev **Geography of the sociocultural conflicts in the Crimea (2006-2010 years).** Examines the territorial specificity of sociocultural contradictions in the sphere of interethnic and interfaith relations in the modern Crimea. Stages of development of social and cultural contradictions. Identify key areas of concentration of ethnic and socio-economic contradictions in the Crimea.

Keywords: geography, conflict, ethnicity, religious denomination

Поступила в редакцію 01.12.2012.